

Исчезнувший мир

Ирина Красова

Ирина Евгеньевна Красова

Исчезнувший мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70300945

SelfPub; 2024

Аннотация

В книге представлена война глазами ребенка, родившегося после второй мировой войны. Оказавшись вместе с родителями на территории бывшей Германии, девочка не понимает, как такая мирная страна могла стать родиной фашизма. Автор передает позитивный взгляд на мир, силу духа людей, прошедших эту войну и победивших в ней.

Ирина Красова

Исчезнувший мир

Встреча прошлым

Страна после революционного дурмана, зачарованная в девяностые годы ожиданием перемен, погрузилась в пустоту, где невыплата зарплат, отсутствие продуктов в магазинах стали привычным делом. В карманах не было денег, чтобы хоть что-то купить.

Я шла по улице, лихорадочно пытаюсь найти выход из безденежья, из нищеты, в которую погружалась семья. Пять лет разрушения привычного размеренного мира, как пять лет войны с неизвестным, невидимым врагом, измотали меня. В минуты безысходности, я мысленно искала помощи и поддержки у мамы, но в эти трудные времена она уже не могла мне помочь.

Мама умерла в год, когда было решено праздновать тридцатилетие Победы во второй мировой войне. Мама, прошедшая все годы войны медсестрой, никогда не говорила о войне.

Однажды я спросила:

– Почему вы с отцом никогда не говорите о войне? – на что моя мудрая мама ответила:

– Нельзя идти вперед, повернув голову назад.

Маме не суждено было увидеть рождение своих внуков. Помню как, прикованная к кровати, она заплакала, услышав: – День Победы, порохом пропах!

Той весной смерть снова встала рядом с ней, измученной болезнью, ей было удивительно, что вдруг вспомнили о них, как о фронтовиках. Мальчишки, только что окончившие школу и девочки из медицинского училища, они ушли на фронт и спасли мир в той Великой безумной войне. Мама умирала под звуки победных гимнов.

Погруженная в свои мысли я брела по петляющим улочкам Москвы, которые вывели меня на Пушкинскую площадь, к зданию газеты Известий. На лотках лежали газеты, я машинально взяла одну из них, развернула и вдруг увидела фотографию мамы. Это была фотография известного фоторепортера времен войны, чьи фотографии, сын в память об отце, разместил на страницах газеты. Под фотографией стояла только фамилия автора, не было ни упоминания о фронте, ни имен запечатленных на фотографии людей, но я моментально узнала мамины руки, державшие голову раненого бойца, ее лицо, такое родное с непривычной белой ленточкой.

Вспомнилось, как мама однажды рассказала о съемке на фронте. С улыбкой она вспоминала, как в их медсанчасть на фронт приехал фотограф, как на фоне горящих танков ее попросили перевязать раненого солдата, зачем-то повязав на голове белую ленточку. Руки мамы, её лицо и эта ленточка не

оставляли сомнений, что передо мной та самая фотография.

Встреча с мамой была подарком Бога, напряжение и отчаяние исчезли. Я вдруг поняла, что во мне живет её сила духа, сила победителей.

Дома, собрав папку с документами, которую называют портфолио, я отправилась на поиски работы. К моему удивлению в частном колледже мне предложили должность декана вечернего отделения. За моими плечами стояла мама, и я выторговала для себя условия, на которых могла совмещать свою старую работу преподавателя с работой в новой должности. Жизнь начинала налаживаться.

Мои родители были удивительными людьми, они буквально искрились верой в светлое будущее, твердо зная, что в этой жизни все зависит от них.

Война для отца закончилась через два года после Победы, он вернулся с Дальнего востока, где служил во флоте сначала на торпедных катерах, позже в экипаже подводной лодки. После демобилизации его перевели на работу в министерство. Мама работала в том же министерстве, в ее подчинении были двадцать молоденьких девушек-машинисток, которые за глаза называли ее старухой, но к их удивлению именно ее выбрал статный красавец, вернувшийся домой в Москву. Вспомнился рассказ мамы, как однажды, зимним вечером провожая ее, отец сказал:

- Скоро Новый год. Как ты собираешься его праздновать?
- У меня в Новый год день рождения, сразу два праздни-

ка, – ответила мама.

– Давай в Новый год мы отпразднуем нашу свадьбу, и у нас будет сразу три праздника.

Они поженились в новый 1948 год.

Спасибо вам, дорогие мои мама и папа, что вы выжили в огненном аду, спасибо, что встретились после войны и дали мне жизнь, наполнив ее радостью, смехом и уверенностью в завтрашнем дне.

Какой красивой парой вы были! Вы умели любить, радоваться солнцу и дождю, верить в себя и в то, что все в жизни преодолимо.

В нашем доме не говорили о жестокости войны, поэтому впервые, я узнала об этом, когда пошла в школу. Всем классом мы смотрели фильм о немцах, захвативших и разоривших наши города и села, в котором юные партизаны сражались против захватчиков.

Ночью мне приснился кошмар. Увиденное так поразило мое детское воображение, что во сне я оказалась в продолжение действия фильма, в грязной темной комнате, где фашисты требовали кого-то предать, а я вырывалась от них с криком:

– Нет, я не скажу, нет! Не пытайте меня, – и проснулась от этого крика.

По вечерам родители перед сном читали вслух и мы с братом лежа в кроватях, засыпали под звуки их голоса.

Комната, в которой мы жили с родителями не оставляла

места для секретов.

Однажды, проснувшись, я услышала, как отец шепотом читал стихи. Запомнились несколько фраз:

– ...и собачкой рисовали, – кого рисовали собачкой, я не поняла и стала прислушиваться:

– Так он грабил свой народ, чтоб другой кормился рот.

Мама подошла к нам проверить, спим ли мы, и едва слышным шепотом сказала отцу:

– Так не может больше продолжаться, надо что-то делать, меня беспокоит даже не стесненность, в которой мы живем, а уродующую душу нищета, в которую мы погружаемся.

Достаток в семье закончился, когда в министерстве, где работала мама, прошли сокращения сотрудников и зарплат. Страна запустила в космос первый спутник, новые технологии требовали денег, экономия затронула и министерские структуры. Мама стала домохозяйкой и в нашей семье, живущей на одну зарплату отца, поселилась бедность.

Нищета в российских семьях, где двое детей, а работаем только отец, продолжает оставаться нормой. Подаренное на день рождения платье было счастьем. Я пошла в школу, моя подруга училась музыке, и когда я приходила к ней, она садилась за фортепьяно и играла гаммы. Дома я воображала, что подоконник это клавиши фортепьяно и мои пальцы бегали по клавишам, извлекая из подоконника чудесные звуки. Однажды, за этим занятием меня застала мама, она прижала меня к себе, а я спросила, могут ли мне купить пианино,

чтобы я тоже могла учиться музыке.

– Не беспокойся, мы что-нибудь придумаем, – сказала она.

По ночам я слышала, как родители о чем-то долго шептались, мама не кричала, не билась в истериках, как сейчас это делают молодые не удовлетворенные жизнью женщины, а очень тихо что-то обсуждала с отцом. Потом они писали какие-то письма, заполняли анкеты, ожидание чего-то важного продолжалось почти полгода.

– Вопрос с отъездом решен, – отец говорил очень тихо, но я расслышала шепотом сказанную фразу. Боясь вспугнуть грядущие перемены, я не стала расспрашивать.

С этой минуты время превратилось в ожидание, и однажды весной мама сказала:

– Мы едем в Германию, отца посылают на работу в ГДР.

– К фашистам? – в ужасе спросила я.

– Нет, там уже нет фашистов, и ты скоро сама в этом убедишься.

Прыгая от радости, я прибежала к подруге, которая играла гаммы, и с восторгом сообщила:

– Мы едем в Германию!

– Мы тоже скоро поедем в Китай, – сказала подруга, поджав губы.

После войны ее отец несколько лет работал в Китае, и семья трепетно хранила эти воспоминания.

– Да, мама, ведь правда поедем? – обратилась она к мате-

ри.

– Поедем с печки на лавку, – услышала я бурчание в ответ, понимая, что моя радостная весть никого не радует.

Мы начали готовиться к отъезду, неожиданно выяснилось, что у нас нет приличной одежды. Родители взяли деньги в кредит, мы поехали в «Детский мир», самый большой магазин в Москве. Приближалось лето, мне купили платье из тонкой почти прозрачной ткани цвета морской волны, расшитое мелкими яркими цветочками. Осталось купить туфли, но традиционные сандалии на тонкой почти картонной подошве были слишком простенькими, выбора в магазине практически не было и мне купили бежевые туфли на толстой резиновой подошве.

Чувствуя себя принцессой, гордая я вышла во двор похвастаться обновками. Цветочки на платье, вышитые красными, желтыми, зелеными нитями переливались в лучах солнца.

Двор, окруженный шестиэтажными домами, был полон детей, которые прыгали, разглядывая мои обновки, и вдруг кто-то закричал:

– Корочки на микропорочке!

Стая детворы подхватила и уже весь двор, прыгая вокруг меня, кричал:

– Корочки на микропорочке!

В слезах я прибежала домой, потрясенная взрывной агрессией двора, хотя в глубине души понимала, что эти туфли совершенно не подходят к нарядному платью.

Путешествие в неизвестный мир

Через день поезд увозил нас с Белорусского вокзала на запад в восточную Германию, которая тогда называлась ГДР. В Бресте поезд приподнялся в воздухе, для замены колесных пар на западную колею железной дороги.

Поезд опустили на новые рельсы, и он помчал нас на запад.

Глядя из окна купе, мама неожиданно сказала:

– А ведь я уже проезжала по этой дороге.

– Когда? – удивилась я.

– Во время войны. Осенью сорок первого года на последнем курсе медицинского училища меня призвали медсестрой на фронт. На санитарных поездах, их называли «Летучками», мы вывозили раненых с фронта.

– Папа, ведь ты тоже был на фронте, – я повернулась к отцу.

– Да, только я воевал на Дальнем Востоке, служил на торпедных катерах и подводных лодках.

– Я вспомнила! Ты уезжал на военные сборы и присылал нам фотографии, в морской форме с кортиком на поясе на фоне памятников в каком-то городе, а мама ждала твои письма и часто плакала по ночам.

Я сфотографировался в первый день, как мы приехали в город, потом уже было не до этого.

– Это был Измаил, – сказала мама и вышла из купе в коридор вагона.

Память обладает удивительным свойством в определенные моменты воскрешать картины прошлого так явственно, будто исчезло сегодняшнее и прошлое обступает тебя. Глядя в окно, мама вспомнила вагоны-теплушки с ранеными молодыми солдатами, которых после обморожения в сорокаградусный мороз, с ампутированными ногами и руками, эшелонами вывозили на восток. Без слез невозможно было видеть их молодые обезображенные тела, а надо было кормить тех, у кого не было рук, перебинтовывать, лечить гнойные раны, шутить и улыбаться, отзываясь на ласковое «сестричка».

Осенью солдат стало нечем кормить, медицинский персонал на стоянках копал, брошенную на огородах подмороженную картошку, от ее тухлого запаха кружилась голова. Все с надеждой ждали открытия второго фронта, но союзники с его открытием не торопились. В начале сорок второго года начала поступать американская тушенка, в те годы она спасла миллионы солдатских жизней. Говорить, писать или свободно думать в СССР было по-прежнему опасно. Врач летучки однажды написал в своем дневнике: «Второй фронт фикция, он никогда не будет открыт». Через какое-то время его забрали, никто больше его не видел. Невероятно холодная зима встала на защиту Москвы, люди отдавали все для победы. Бабушка и дед шили ватники для солдат, получая за это гражданский паек, но прожить на него было трудно, они голодали. Во время авиационных налетов бабушка уходила

в бомбоубежище, дед оставался дома один, молился, тушил фугасные снаряды, приговаривая:

– Пока я молюсь, мой дом не будет разрушен.

Ни разу, ни одна бомба не упала на их квартал, хотя бомбили Москву почти каждый день. Фронт приблизился почти вплотную к дому деда, в двух километрах уже рыли окопы, противотанковые рвы, ставили заграждения.

Поезд, разрывая время уносил маму вдаль, оставляя за собой воспоминания: о переправе через Ладогу, по ледовой «дороге жизни», когда на стареньких фанерных грузовичках они вывозили детей из осажденного голодного Ленинграда под свист фашистской артиллерии, об уходящих под лед грузовиках вместе с людьми, уничтоженных фашистскими самолетами.

Мама вернулась в купе. Родители были победителями, они научились радоваться каждой минуте в этой жизни, и сейчас стремительный поезд мчал их в новое, неизвестное будущее.

Мы пересекли границу и оказались на территории Польши. За окном мелькали привычные дома с палисадниками. Точно такие же я видела дома, когда мы проезжали Смоленск и Белоруссию.

Глядя в окно, мама сказала:

– Мы проезжаем земли, севернее от которых была когда-то Пруссия. В начале апреля 1945 года после страшных боев в Кенигсберге наступило затишье, город еще полыхал

заревом пожаров. После пяти лет изнуряющих боев среди горящих русских городов и деревень, миллионов искалеченных, раненых, умирающих солдат, которых каждый день везли санитарные поезда с фронта, это был первый немецкий город, в котором разместилась наша санчасть. До победы оставался месяц. Госпиталь расположился в пригороде Кенигсберга, в уцелевшем курортном городке с уютными улочками и аккуратными каменными особняками в тени вековых сосен. Дома, брошенные владельцами, в отчаянии хлопали ставнями. Впервые, вспоминала мама, я шла по улице немецкого города, накануне меня повысили в звании и вместо кирзовых солдатских сапог выдали хромовые сапоги. Было странно идти по улицам чужого города в этих легких, удобно облегающих ноги сапогах. Неожиданно я оказалась возле парикмахерской, возникло желание зайти внутрь. Преодолевая страх, я открыла дверь, зазвенел колокольчик и навстречу из глубины комнаты вышел старенький человек. Вспоминая уроки немецкого языка, я попросила его завить мне волосы.

Мама в смущении улыбалась, вспоминая, как немец, покоренный ее неотразимо нежной улыбкой, повторяя Гретхен, Гретхен, усадил ее в кресло.

– То, что он сделал с моими волосами, было чудом. Он превратил их в пышные, роскошные локоны и из зеркала на меня смотрела неузнаваемая прекрасная фея.

– Гретхен, они останутся такими очень долго, – сказал

немец, провожая до двери. Никогда в жизни, никто не делал мне такого перманента.

Мама замолчала, поправляя рукой прическу.

Вечером наш поезд остановился в Варшаве с огромным высотным зданием. За окном снова замелькал привычный сельский пейзаж, а утром мы с удивлением увидела красивые каменные дома под красными черепичными крышами с ухоженными, утопающими в цветах двориками.

– Как странно! – удивлялась я, одна страна, а как по-разному выглядят дома.

– Мы подъезжаем к Германии, – переглянувшись, сказали родители.

– Это Силезия, – сказала мама.

Утром поезд остановился во Франкфурте на Одере, и автобус помчал нас по автобану, бесконечному скоростному шоссе.

Первая остановка была в придорожном кафе. Все было для меня удивительно: запах жареных колбасок в булочках со сладкой горчицей, вода в бутылках с откидывающимися крышками на замках. Манера пить воду из горлышка бутылки. Все было внове, но дальше начались настоящие чудеса.

Поздно вечером мы приехали в предместье немецкого города переименованного в честь Карла Маркса, нас поместили в старинном двухэтажном особняке, который был превращен во временную гостиницу, где размещались семьи вновь прибывавших специалистов. Мы вошли в холл, в центре ко-

того парадная лестница вела на второй этаж.

Наша семья разместилась в двух смежных комнатах, на втором этаже. Родители с братом отправились спать в дальнюю комнату, меня уложили спать в проходной комнате. Кровать стояла в нише стены, которая называется альковом, впервые за свои десять лет я спала в отдельной комнате. Что я ощущала? Одиночество, комфорт, беспокойство в новом неведомом мире? Все ощущения слились в пугающем ожидании знакомства с новой страной.

Утром мы отправились за покупками, колокольчик на двери маленького магазинчика с домашними тапочками радостно приветствовал нас. Стены магазина были покрыты полками, на которых от пола до потолка стояли разнообразные домашние тапочки, погружая посетителя в царство комфорта. На моих ногах оказались мягкие тапочки с пушистым помпоном, их уложили в коробку, и я навсегда запомнила эту первую покупку. Мы вышли на улицу, незнакомая речь, незнакомые запахи окружили, создавая оболочку изолированности. На прилавке лежали красные щекастые помидоры, вдруг я услышала знакомое слово томаты, которое мгновенно сняло напряжение.

– Томаты, томаты, – как распахнутая дверь открыли мир нового языка, ниточка понимания успокоила и примирила с окружающим пространством.

Вернувшись в гостиницу, я надела новые тапочки на маленькой танкетке и ощутила себя принцессой в замке. Про-

бегая вверх и вниз по широким ступеням лестницы, застеленной ковром, постукивая каблучками, я в очередной раз сбежала вниз и увидела в холле дверь, которая привела меня на кухню. В центре стояла огромная плита с множеством конфорок, вдоль стен расположились шкафы с посудой, на крючках висели сковородки, кастрюли и огромное количество других кухонных принадлежностей. Женщины что-то готовили, они строго посмотрели на меня, я вышла в холл, открыла дверь и оказалась во дворе особняка. Со стороны улицы двор был отгорожен высоким металлическим забором с резной калиткой, остальное пространство двора с коротко стриженной травой замыкали высокие кирпичные стены, укрытые кустами растений. Огромные кусты кое-где еще не сбросили цветы, украшая яркими цветными пятнами двор, создавая подобие маленького парка.

Одна из стен особняка, выходящая в сад, была покрыта старым плющом, аккуратно обрамляющим окна. На втором и первом этажах было с десяток комнат, мне удалось побывать в одной, где разместились наши знакомые. Это была большая комната с огромным окном в виде фонаря, диванами и большим круглым столом, вероятно, она служила когда-то гостиной.

Мы окунулись в размеренный, уютный мир, в котором Германия жила столетиями.

Дом в Германии

В поселке частные двухэтажные коттеджи с палисадника-

ми под окнами и низенькими заборчиками чередовались с трехэтажными многоквартирными домами. После недельного пребывания в гостинице мы переехали в один из таких домов. Три одинаковых трехэтажных дома с крутыми крышами и выступающими окнами мансард замыкали двор, сплошь усаженный фруктовыми деревьями. В глубине двора за забором стоял старый невзрачный домик, по всей видимости, заброшенный хозяевами.

В домах справа и слева жили немцы. Двор замыкал дом, выходящий на улицу, в котором поселили русские семьи. Возле подъезда стояли специальные щетки для обуви и после того, как открывалась входная дверь, в подъезде автоматически включался свет, выключался он, как только закрывалась дверь в квартиру. Мы разместились в двухкомнатной квартире на первом этаже. Было странно, что ванная и туалет были в одной комнате с большим окном, выходящим на улицу. Мама сразу же купила красивые плотные тюлевые шторы для ванной и назвала ее кабинетом задумчивости.

Самой удивительной была кухня, с большой прямоугольной плитой, похожей на огромный стол с конфорками, накрытыми чугунными крышками. Этой плитой не пользовались, так как в углу стояла современная газовая плита. На стенах были развешены открытые пустые полки для посуды. Вечером родители принесли из магазина коробки с кухонной утварью. Фарфоровые тарелки и чашки напоминали бабушкин сервиз, но удивили меня кастрюли. У маленьких

и больших кастрюль почему-то была только одна большая ручка сбоку, оранжевые и синие они напомни кружки с носиком. Мама застелила полки, принесенной из магазина белой плотной бумагой в виде салфеток с мелким перфорированным рисунком, и кухня стала светлой и уютной. На полках выстроились тарелки, чашки с блюдечками, демонстрируя свою роспись, кастрюли и сковородки повисли на крючках. Деревянные скалки и всевозможные лопаточки ожили в руках мамы, и на кухне запахло домашним обедом.

В свою спальню родители купили нарядные кружевные покрывала на две рядом стоящие кровати, аромат новых вещей наполнил дом, ощущением благополучия и достатка. Комнаты отапливались небольшими чугунными печками, которые у нас называли буржуйками. Трубы от печек-буржоек уходили в дымоход, скрытый в стене. Печки топили черными блестящими брикетами из торфа, поэтому в комнате стоял пряный, сладковатый запах. Этот характерный запах торфа стал для меня визитной карточкой Германии, он витал над улочками поселка, где талисманом были трубочисты в черных цилиндрах с огромными щетками, перекинутыми через плечо черных костюмов. Трубочисты мне казались принцами, а увидеть их сидящими на трубе, считалось большой удачей, потому что загаданное в тот момент желание обязательно исполнялось.

Окна комнат нашей квартиры выходили в сад и однажды жильцы нашего дома обнаружили, что поспели сливы и ябло-

ки, которые начали осыпаться с деревьев на землю. Удивляло, что немцы не проявляли никакого интереса к этим фруктам. Наши прагматичные соотечественники, видя брошенный, не огороженный сад, решили собрать этот практически бесхозный урожай, но в тот момент, когда урожай был собран, появился хозяин сада, выставив огромный счет, и потребовал заплатить за собранные фрукты. Для русских, работавших в те годы в Германии, существовало правило, по которому за любое правонарушение семья должна была покинуть страну в двадцать четыре часа. Спорить с хозяином взрослые не стали, урожай был оплачен сполна, на радость немецких соседей. Эта история стала для нас детей большой наукой, показав как опасно трогать чужое.

К осени были построены трехэтажные многоквартирные дома с центральным отоплением и семьи советских специалистов переехали в эти дома. Пустошь возле дома наши родители превратили в спортивные площадки, для волейбола, футбола и городков. Отец мастерски играл в городки, одним ударом он сносил выложенные фигуры. Немцы осторожно приходили посмотреть, и через какое-то время русская и немецкая речь стала нормой на этих площадках.

Рядом с нашим домом был дом культуры, с классами для занятий музыкой, бильярдная комната, банкетный и актальный зал. Я записалась в класс игры на фортепьяно, и каждый вечер стала пропадать там, отец после работы играл в соседней бильярдной комнате, ловко забивая шары в лузы

бильярдного стола. Закончив занятия в музыкальном классе, я с восхищением наблюдала за ним. Это были самые счастливые годы в моей жизни. Сбылась моя мечта, пальцы бежали уже не по подоконнику, а по черным и белым клавишам, бесконечно повторяя гаммы. Моим первым учителем музыки был очень пожилой сухощавый немец, который терпеливо требовал от меня безукоризненного исполнения, и чтобы заставить меня не смотреть на клавиши, он держал доску, закрывавшую руки. Учителю трудно было ее держать, но он добивался того, чтобы музыка зазвучала в моем воображении, извлекая звуки и той области тела, которую мы называем душой. Зрительная память мешала чувствовать и слышать. К сожалению, я так и не научилась извлекать звуки из инструмента, чувствовать его, а не запоминать глазами последовательность клавиш. Любая учеба требует усилий, обязательных для получения результата. Однако, родители, чьи дети в первом поколении учились музыке, старались оградить своего ребенка, сделать его жизнь радостной в губительном безделье. Кто-то из родителей пожаловался на учителя в администрацию, не понимавшие основ музыкального образования, они не могли знать о приемах обучения игры на фортепьяно. С нами стала заниматься русская учительница, жена одного из специалистов, лицемерно хвалившая нас. Так родители лишили нас возможности стать профессионалами. Льстиво подхваченная фраза Пушкина «мы все учились по не многу, чему ни будь и как ни будь», из насмешки гения

стала оправдательным девизом.

Мы все с большим удовольствием погружались в размеренный мир немецкой провинции. Порядок и педантичность немцем проявлялись во всем: велосипедисты при повороте нажимали на рычаг, и маленькая механическая рука показывала направление движения, если у велосипедиста не было такого устройства, то направление движения он показывал рукой.

Дома с палисадниками ограждали низенькие заборчики, высотой чуть выше колена хозяйки, старательно закрывавшей калитку, выходя из дома. Эта любовь к традиции умиляла и восхищала одновременно.

Двери магазинчиков встречали нас мелодичным звоном колокольчика, предупреждая хозяина о том, что пришел посетитель. Невозможно было уйти без покупки, аромат свежеиспеченного хлеба погружал в мир запахов, копченые колбасы, подвешенные на крюках за веревочки, важно раскачивались, приглашая забрать их домой. Самым притягательным местом был прилавок, где продавали мороженое. На прилавке в больших стеклянных банках были насыпаны круглые разноцветные шарики, которые называли жвачкой. Продавец мороженого брала две плоские вафли, клала на одну из них шарик мороженого и аккуратно накрывала другой, на сдачу в руке оказывались разноцветные шарики-жвачки. Счастливая я бежала домой, облизывая мороженое.

Осенью, особенно после дождей на землю опускались ту-

маны. В Москве я никогда не видела такого густого тумана, оказавшись в нем, возникало ощущение, что тебя погрузили в молоко. Идти в этой белой пелене было страшно, но неведомое притягивало, и очень скоро я научилась ориентироваться в тумане по плиткам тротуаров, которые можно было разглядеть под ногами. Немцы не заливали тротуары асфальтом, а выкладывали плитками, на каждой улице плитки были разных цветов и размеров.

В школу нас отвозил автобус, который ждал в конце улицы. Бежать в утреннем тумане, вдыхая терпкий запах сгоревшего в печах торфа, чтобы занять место в автобусе у окна, стало главным утренним развлечением.

Снег зимой был редкостью, он появлялся в середине декабря, тонким тающим слоем покрывая землю. Розы на высоких стволах цвели до самых холодов, но особенно красивыми они казались, когда снег белыми звездочками начинал кружиться над яркими шапками цветов.

Рождество

Приближались рождественские праздники, окна домов украсились оленями, запряженными в сани с подарками, на городской площади установили огромную, украшенную гирляндами елку. Рождественская ярмарка на городской площади с множеством пряничных домиков, увешанных глазированными пряниками в виде сердечек и мишек, с марципановыми конфетами, кексами на прилавках и каруселями для детей и взрослых переливалась яркими электрическими ог-

нями, зазывая музыкой на праздник.

Музыка заполнила площадь, карусели, с лошадками, каретами сверкали огнями, звонили колокольчиками, зачаровывали и манили, словно музыкальные шкатулки, обещая невероятные приключения. Нарядные домики с сувенирами и угощениями, игровые аттракционы, увешанные самыми разнообразными игрушками, тир с причудливыми мишенями и призами для стрелков манили призами в виде игрушек, хрустальных ваз и других подарков. Две недели мы всей семьей ходили вечерами в этот волшебный мир. Отец оказался замечательным стрелком, выбив все мишени, он получил огромного улыбающегося поросенка, набитого опилками. Брат с восторгом прижал его к себе и не расставался с ним, укладываясь по вечерам в постель. Заветную вазу удалось выиграть только через неделю.

На новогодние каникулы меня отправили в пионерский лагерь в горах.

Снег, забытый, и поэтому такой милый сердцу снег лежал кругом: на белых дорогах, деревьях, крышах домов. Автобус, упорно взбирался по горной дороге вверх, везя нас в волшебную горную страну по имени Обервизенталь. Когда-то давно здесь было верхнее пастбище, перед нами открылась долина со старинной четырехэтажной гостиницей в окружении гор и трамплинов, с которых спортсмены, прижавшись в воздухе к лыжам, слетали вниз. Нас разместили на третьем этаже гостиницы. Меня с подругой поселили в комнате с огромной

двухспальной кроватью, накрытой толстыми пуховыми одеялами. Немцы не отапливают ночью спальни, предпочитая согреться под пуховыми перинами. Укутавшись в пуховое облако перины, я ощутила всю прелесть здорового сна.

Утром, на тумбочке возле кровати, мы обнаружили новогодние подарки. Кроме шоколадного деда Мороза и набора конфет в подарок лежала красочная книжка, но страниц внутри не было, внутри был календарь. Под каждым числом в ячейках лежали шоколадки с картинками и текстом. Позже мы узнали, что такие календари дарят всем немецким детям перед Рождеством, где каждый день посвящен событиям христианского праздника, а есть можно только одну шоколадку в день, постепенно готовясь к этому удивительному празднику. Мы приехали перед Новым годом, Рождественские праздники уже прошли, и мы с удовольствием съели все шоколадки.

На первом этаже в огромном зале потрескивал поленьями камин. В отблесках огня блеснули клавиши аккордеона и зазвучали мелодии, от которых всем собравшимся захотелось танцевать. Мы быстро освоили гавот, польку и другие танцы, получая огромное удовольствие от совместного движения, в котором все устремляются в едином кружении танца. Как жаль, что теперь наши дети не могут испытать этого восторга, а уныло топчутся под скрипящие механические звуки.

На следующее утро шапки пушистого снега гроздьями повисли на ветках деревьев. Ночью была оттепель, которая пре-

вратила мир в волшебную зимнюю сказку. Возле крыльца нас ждали сани, запряженные лошадьми, которые помчали нас по заснеженной дороге, позванивая колокольчиками.

К вечеру в гостиницу стали приезжать спортсмены, они должны были выступать на соревнованиях по прыжкам с трамплина. Мы с подругой отправились рассмотреть трамплин и стали карабкаться вверх по горе. Издалека трамплин напоминал большую горку, но вблизи он оказался огромным сооружением, на которое подняться было просто невозможно.

На следующий день мы заняли места возле поляны, на которую приземлялись лыжники после прыжка с трамплина. Лыжники, приземляясь, ловко разворачивались возле ограждения, за которым стояли зрители и мы с раскрытыми от восторга ртами. В середине соревнований один лыжник, прильнув к лыжам, вдруг потерял равновесие, сорвался, падая на середину трамплина, переворачиваясь, он упал к его подножию. Юношу отнесли в гостиницу, вскоре приехала скорая помощь и увезла его в госпиталь.

Ощущение трагедии запомнилось и заставило меня с большой осторожностью относиться к горнолыжному спорту.

Быстро пролетело время, мы возвращались, купив сувениров, среди которых самым замечательным был крошечный пластмассовый макет гостиницы в окружении елок под прозрачным куполом, заполненным какой-то жидкостью, ко-

торый при встряхивании обрушивал поток снежинок на знакомый пейзаж. Мы увозили в наших сердцах незабываемую красоту горной страны Обервизенталь.

Вернувшись к родителям, я с нетерпением стала ждать встречу с каруселями и волшебными звуками музыки, но на городской площади мы с удивлением обнаружили, что ярмарка исчезла так же внезапно, как и появилась.

Немецкая провинция

В начале февраля стал таять снег, капелью сообщая, что очень скоро наступит весна.

В конце марта огромные кусты магнолий, покрылись плотными соцветиями благоухающих цветов. Эти цветущие шары завораживали, удивляли, наполняя воздух пряным ароматом.

Вслед за магнолиями на деревьях появились нежно-зеленые листочки, луга зацвели мелкими голубыми незабудками, расцвели фруктовые деревья, наступило лето.

За нашими домами узкоколейная железная дорога отделяла поселок от сельской местности. Огромный луг, поросший голубыми незабудками, переходил в пастбище с электрическими загонами для скота, которые заряжались от переносного аккумулятора. Скот пасся самостоятельно, свободно гуляя внутри загона. Украсть скот никому не приходило в голову. Хотя, как сейчас, тогда не было видеокамер.

Вечером с родителями мы шли на луг любоваться светлячками. На фоне звездного неба они появлялись в воздухе

и словно маленькие фонарики кружились в сумерках в своем воздушном танце, создавая ощущение волшебства.

Однажды с родителями мы пошли на экскурсию в старинную каменоломню. У входа в огромную пещеру нас встретила пожилая немецкая супружеская пара. Мужчина и женщина были обуты в массивные кожаные зашнурованные ботинки. Одеты они были в плотные куртки, на женщине была юбка из темно-серого сукна. Мы направились за ними внутрь пещеры и, почувствовав холод, идущий из подземелья, пожалели, что взяли с собой только шерстяные кофты. Центральная часть пещеры была затоплена прозрачной голубоватой водой, такой прозрачной, что казалось, камни лежат не на дне, а совсем близко к поверхности воды. Освещаемые факелами проводников, мы двинулись вглубь пещеры, прижимаясь к стене. Вскоре мы вышли на площадку, с которой открывался изумительный вид на подземное озеро, с потолка спускались соляные сосульки. Экскурсовод рассказывал историю горняцкого промысла в этих краях, сказав, что эту местность издревле называли долиной вдов.

– Почему вдов? Мужчины умирали раньше женщин? – спросили мы.

– Горняки в шахтах добывали руду, в которой позже нашли уран. Руда была источником радиации, которая убивала мужчин.

Экскурсовод предложил пройти в галереи, где когда-то добывали руду. Мы с ужасом заглянули в старые штольни,

и поспешили в обратный путь по узкой кромке между стеной и озером. Когда мы вышли наружу, радость от встречи с солнцем была бесконечной, Взрослые с удовольствием опустились на траву, а мы, заполучив фотоаппарат, пытались сохранить на память образы проводников в подземный мир, пугающий вид пещеры и родителей, сидящих на пригорке.

Новая страна не переставала удивлять нас. Колокольчики над дверями небольших частных магазинов весело встречали посетителей. Обслуживание в этих магазинах было таким, что не купить что-то было просто невозможно. Однажды, гуляя с родителями, мы зашли в такой магазин. Аромат окутывал, заставляя забыть о бережливости. Все, кто погрузился в его благоухание, стремились потрогать, примерить одежду, развешенную на вешалках в зале. Мама примерила пальто и ей тут же принесли второе, третье. Покупать пальто мама не собиралась и чтобы с достоинством выйти из ситуации, она сказала:

– Я купила бы вон то, сиреневое пальто, которое висит в витрине магазина, – будучи совершенно уверенной, что с витрины ничего не продается. Ей тут же принесли пальто, сиреневый цвет, как дорогая оправа, оттенил её черные волосы и карие глаза. Пальто изящно упаковали, мне подарили какую-то безделушку, а я поняла, что скромный кошелек не лучший спутник для прогулок.

Наши родители, участники войны, видевшие смерть, чудовищные разрушения, пройдя все мыслимые испытания,

приехали в восточную Германию строить новый мир, основанный на взаимном уважении.

Мой слух сейчас режут лживые обвинения в их адрес:

– Оккупанты.

– Нет. Они были с немцами коллегами.

Русские и немецкие семьи обычно проводили выходные дни в путешествиях, экскурсиях и обязательных посиделках в кафе, где главным напитком было пиво, но пивными в российском понимании их нельзя было назвать, они больше походили на кафе с уютными залами. Большой стол в центре комнаты объединял, собравшихся посетителей, которые заказывали, как правило, кружку пива и какую-то еду. Однако, главным действие таких посиделок было коллективное пение, под звуки аккордеона, наполнявшие пространство мелодией и ритмом, люди держась за руки пели, ритмично покачиваясь в такт песни.

Я выросла в старой Москве, в большой семье, где праздники всегда сопровождалась пением за столом. Помню воскресные прогулки с родителями в парках, где играли духовые оркестры, а люди танцевали и искренне радовались общению. В то время это было традицией.

Дорогие мои родители, вы научили меня любить наш мир, вы не делили его на врагов и друзей. Вы просто любили все, что удалось уберечь после страшной войны, унесшей миллионы человеческих жизней. Ваша доброта и сердечность собирала за огромным столом самых разных людей, которые

умели радоваться и веселиться.

Среди шума и смеха из патефона звучали загадочные слова:

– «Как иногда в томительной пустыне мелькают отзвуки далеких чудных стран, но это призраки и снова небо синее и вдаль бредет усталый караван».

Дрезден

Однажды, мама узнала, что медсестра из ее санитарного поезда работает в пригороде Дрездена. Подруга пригласила нас в гости, дорога была длинной, я задремала, а когда машина остановилась, я увидела дом, от которого остался один подъезд. Он стоял рядом с останками фундамента, когда-то большого пятиэтажного дома. Война, в виде этого полуразрушенного здания, предстала предо мной, с ужасом я поднималась по лестнице, за стеной которой была пропасть. Мы остановились на площадке пятого этажа, где осталась только одна дверь. Это была квартира наших знакомых, служивших в военном гарнизоне. Взрослые, увидев ужас на моем лице, поспешили объяснить, что Дрезден во время войны союзники превратили в руины, поэтому жить практически негде.

Комната, в которую нас пригласили, оказалась очень уютной. Над большой тахтой висел красивый розовый ковер, с изящным орнаментом из красных, сиреневых и белых роз. В центре комнаты стоял стол, накрытый скатертью с множеством закусок. После обеда мужчины вышли покурить, а мама с подругой погрузились в воспоминания.

– Помнишь, как мы портянками стирали ноги в кровь в кирзовых сапогах, пока не додумались вымачивать портянки в хлорке, чтобы они стали мягкими.

– Помнишь, как бомбили наш поезд? На крышах вагонов были нарисованы красные кресты, за которыми словно специально охотились фашисты. Как одной из наших девушек осколком оторвало часть ягодицы. Она плакала, а мы, пытаюсь успокоить ее, развеселить, говорили: «Ну, все ты у нас теперь безжопая будешь». Все засмеялись, понимая, что утрата ягодичной мышцы, не даст ей возможности нормально ходить, но девушка тогда внезапно успокоилась и засмеялась вместе с нами, радуясь, что осталась жива, хотя и осталась калекой.

Мама задумалась, а потом сказала:

– Помнишь, как, однажды, под бомбами мы бежали прочь от поезда?

– Помню, главный врач тогда приказал всем, кто может ходить укрываться в ближайших перелесках, а когда бомбежка прекращалась, поезд шел дальше на восток.

– Я тогда молилась: Господи, если этот снаряд должен попасть в меня, то пусть он попадет мне в голову, а не в ноги. Однажды, когда под бомбами мы бежали прочь от поезда, я увидела огромную воронку и почти подбежала к ней, как вдруг какая-то девушка, бежавшая мне наперерез, с силой оттолкнула меня и прыгнула туда. Раздался взрыв, меня отбросило взрывной волной на несколько метров. В воронке

оказалась неразорвавшаяся авиационная бомба.

– Давай помянем наших, всех кто остался там, – сказала мама подруга.

Вернулись мужчины, и вскоре мы отправились в обратный путь.

На краю мировой войны

В западный Берлин еще можно было ездить. Метро пересекало невидимую под землей границу между двумя мирами, миром капитализма и миром строящегося социализма. Из такой поездки в западный Берлин друзья родителей однажды привезли косметику и бижутерию для мамы. Камни в кольцах, колье, брошах были искусственные в позолоченной оправе, но были так изящны и сверкали как настоящие драгоценности. Особенным было колье, поражающее изысканностью и простотой. К позолоченной цепочке были прикреплены перламутровые монисты в позолоте, украшенные по ободу крохотными сверкающими камешками.

То ли эти поездки слишком возбуждали неокрепшее сознание советских граждан, то ли в мире стали происходить невидимые обывателям процессы, но метро, соединявшее западный и восточный Берлин перекрыли стеной и поезда, дойдя до подземной границы, возвращались обратно.

В Берлине началось строительство стены, которая разделила город на восточную и западную части.

Возникло ощущение, что над миром снова начала раскрывать свои крылья война. Взрослые стали молчаливыми, ро-

дители что-то говорили, о танках на улицах Берлина.

Мир застыл в ожидании неотвратимой опасности, и вскоре появились непонятные слова «Карибский кризис», от которых лица взрослых становились жесткими и сосредоточенными.

Было решено отправить нас с братом к бабушке в Москву.

Возвратившись в Москву, я ощутила себя погруженной в родное энергетическое пространство, оно питало и поддерживало меня вдали от родителей. Мне было очень хорошо в Германии, эта страна стала любимой частью моего детства, но странным образом именно там я ощутила чувство, которое называется ностальгией, странной, непонятной тоской по родине.

Миру повезло, правители двух ядерных держав проявили мудрость. Человечество, заглянувшее в пропасть ядерного конфликта, удержалось на краю мировой войны.

Кто бы тогда мог подумать, что пройдет века, как мирная размеренная в своей жизни Германия снова оцетиниться пушками танков, направленных в сторону России, что снова Европа захлебнется ненавистью, мечтая разорвать на куски нашу многострадальную страну.

Закончились прекрасные спокойные времена, но когда я вспоминаю эти годы, мне слышится хриплый голос патефона, из которого звучали когда-то загадочные слова:

– «Как иногда в томительной пустыне мелькают отзвуки далеких чудных стран, но это призраки и снова небо сине и

вдаль бредет усталый караван».

Москва 2023